

Виноградов Н. Притчи Христа. М., 1892 (Речь, произнесенная перед защитой магистерской диссертации) // Богословский вестник 1893. Т. 2. № 4. С. 207–211 (2-я пагин.).

Рѣчь, произнесенная 31-го января 1893 г. предъ защитою диссертациі препод. В. С. Николаемъ Виноградовымъ.

Сочиненіе, которымъ въ данное время занято просвѣщенное вниманіе Вашего ученаго достопочтеннаго собранія, носитъ названіе: Притчи Господа нашего І. Христа. Оно по основному своему характеру экзегетико-гомилетическое, изложенное близко къ Русскому религіозно-нравственному пониманію. Съ точки зрѣнія *общихъ словесныхъ свидѣній* кто не знаетъ, что притчею называется одна изъ опредѣленныхъ формъ *словеснаго искусства*, которую строго надо различать отъ близкой и сходной съ нею литературной формы-аллегоріи? Появившись еще на языкѣ народовъ младенчествующихъ, притча отъ аллегоріи различается тѣмъ, что аллегорія, какъ и меньшій видъ ся метафора, объясняющій и объясняемый предметъ сливаются, качества и свойства одного приписывая другому, въ притчѣ же они постоянно сохраняютъ свои отличительныя свойства и лишь случайно сопоставляются одинъ возлѣ другаго. Къ тому же притча составляется съ опредѣленнымъ намѣреніемъ вывести изъ сравненія какое нибудь нравоученіе; аллегорія же довольствуется простымъ изображеніемъ *умственного смысла* посредствомъ наглядныхъ, явственныхъ знаковъ въ словѣ или чертежѣ. Въ данныя минуты я упоминаю предъ Вами объ этомъ лишь настолько, насколько моего труда, Вамъ хорошо знакомаго, не касается разсмотрѣніе аллегорическихъ рѣчей Господа, сохранившихся для вѣрующихъ въ духовномъ (*τῆ πνευματικῆ*) Евангеліи Тайнозрителя Іоанна Богослова, именно: рѣчи Христа, сказанной въ Иерусалимѣ

по случаю исцѣленія слѣпорожденнаго, о „пастырѣ добромъ“¹⁾, въ которой Онъ сравниваетъ Себя то съ добрымъ пастухомъ, то съ дверію къ овцамъ; или рѣчи Его, изъ прощальной бесѣды, „о виноградной лозѣ“²⁾. Правда, эти Евангельскія аллегорическія рѣчи называются „притчами“, и при изъясненіи синоптическихъ притчей мы по мѣстамъ затрогиваемъ эти аллегорическія рѣчи Господа; но всетаки эти рѣчи называются притчами въ смыслѣ общемъ, отличномъ отъ того, въ какомъ собственно употребляется въ Евангеліи наименованіе „притча“. За такое различіе въ смыслѣ наименованія притчи—и двойное ея обозначеніе по-гречески: *παροιμία* и *παραβολή*. Первое нигдѣ не встрѣчается въ синоптическихъ Евангеліяхъ, а второе собственно свойственно Евангелію св. Іоанна Богослова. Тогда какъ всякое болѣе или менѣе ясно намекающее иносказаніе, полезное для памяти человѣка, чтобы ему не сбиться съ пути на отчужденномъ ему Провидѣніемъ поприщѣ жизни, именуется по-гречески:³⁾ *παροιμία*; Евангельскія притчи, изъясненіемъ которыхъ мы занимались, называются *παραβολαί*.

Очевидная возможность, полное правдоподобіе этихъ Евангельскихъ пораболъ безъ всякихъ гиперболъ дѣлаютъ ихъ понятными, доказательными и привлекательными для всякаго возраста, пола и состоянія. Христосъ Спаситель, имѣвшій обыкновеніе говорить о высочайшихъ предметахъ такъ просто, какъ будто бы Отецъ вовсе не размышлялъ объ нихъ предварительно, и въ тоже время такъ ясно и опредѣленно, что каждый въ себѣ чувствовалъ, какъ хорошо Онъ знакомъ съ ними, нерѣдко для выраженія нравственнаго ученія Своего пользовался притчами, какъ такую форму рѣчи, которая заставляетъ человѣка вѣрить себѣ прежде, чѣмъ онъ пойметъ связь между идеями и внѣшнимъ образомъ ихъ обозначенія. Возможность этого для нашего мышленія объясняется органическимъ единствомъ внѣшней формы притчей съ ихъ идеями. Эта возможность становится непосредственно дѣйствительностію для того, кто и въ окружающей насъ видимой природѣ — этой второй книгѣ Божественнаго

1) Іоан. 10, 1—6.

2) Ibid 15, 1—8.

3) *Παροιμία* отъ *παρά* при и *οἶμος* путь. (Вѣроятно происходитъ отъ буд. *φέρω*, или отъ *εἶμι*—*ίω*).

Откровения о спасеніи людей — усматриваетъ своего рода притчу или типъ, заключающей въ себѣ откровеніе высшаго духовнаго міра съ его неземными явленіями, состояніями и отношеніями.

О близости словесной формы мыслей, именуемой притчей, нашему мыслящему сознанію можно заключить также и потому, что работа сознанія вообще совершается путемъ сравненія и сопоставленія предметовъ. Греческое же названіе притчи — *παραβολή* — и происходитъ отъ глагола *παραβάλλειν* ставить одинъ предметъ подлѣ другаго для сличенія и сравненія ихъ. Не менѣ замѣчательно и употребляющееся на русскомъ языкѣ названіе притчи, будутъ-ли разумѣться подъ этимъ названіемъ назидательныя сужденія, нерѣдко образныя, къ каковымъ принадлежатъ ветхозавѣтныя притчи царя Соломона, — или же мыслиться рассказы, изложенныя въ образной повѣствовательной формѣ, каковы притчи Евангельскія, новозавѣтныя. Церковно-славянское слово „притча“ происходитъ отъ словъ *при* и *тча* (точа), — тѣхъ же самыхъ какъ и слово предтеча, и буквально означаетъ подходящее присловіе, напрашивающуюся пословицу ¹⁾.

Остаивая просвѣщенное вниманіе Ваше на общемъ количествѣ времени произнесенія Божеств. нашимъ Наставникомъ притчей, на характеристическихъ ихъ чертахъ и основномъ содержаніи, должно сказать, что притчи — эту форму рѣчи — Спаситель главнымъ образомъ употреблялъ въ то время Своей общественной дѣятельности и служенія спасенію рода человѣческаго, когда только подготавливалъ почву для послѣдующаго воспріятія людьми ученія о Своей Божественной Личности. Дѣлая средоточнымъ пунктомъ всѣхъ притчей изображеніе Своей Высоко-нравственной Личности, какъ идеала человѣчества, Господь въ притчахъ нерѣдко образъ выраженія беретъ отъ всѣмъ близкаго и знакомаго представленія о Царѣ. Заимствованіе отъ такого именно свѣтскаго и высокаго представленія особенно примѣтно въ притчѣ о брачной одеждѣ, иначе извѣстной подъ именемъ:

¹⁾ Проф. Г. А. Воскресенскій на коллоквиумѣ Виноградова указалъ впрочемъ и на иной словесный корень слова притча; именно онъ сказалъ, что притча происходитъ отъ древнеслав. корня *тжк*, откуда тжк-ну-ти, русск. ткнуть, тыкать. „Притча“ — это 1) „что приткнулось, приключилось“, и 2) то, что слѣдуетъ изъ этого случая — правоучительное изреченіе.

притчи о бракѣ царскаго сына, — той притчѣ, въ которой ясно выражается, съ одной стороны, благодать и любовь Отца небеснаго, призывающая ко спасенію (царь-человѣкъ), а, съ другой, и строгое правосудіе, воздающее преступникамъ закона за его нарушеніе (просто царь). Эта притча, по выраженію почтеннаго премьера, англійскаго богослова Гладстона, (перу котораго принадлежитъ также и изслѣдованіе о кончинѣ міра) идетъ дальше всѣхъ остальныхъ притчей Евангельскихъ въ разоблаченіи сокровенныхъ до тѣхъ поръ сторонъ таинственной христіанской истины. Во всѣхъ же остальныхъ притчахъ, за исключеніемъ притчи о злыхъ виноградаряхъ, Божественный Учитель является главнымъ дѣйствующимъ Лицомъ; Онъ то сообщаетъ въ притчахъ высоконравственныя правила жизни христіанской благочестивой: смиренія, терпѣнія, нравственной бдительности и т. д., то направляетъ на путь добра и правды, то внушаетъ твердость на этомъ пути, временами награждая, порой наказывая; словомъ въ притчахъ, такъ же какъ во всей Его спасительной дѣятельности, проглядываютъ признаки царственности и божественности Христа, и въ притчахъ же Христосъ представляется нашему вѣрующему сознанію подготовляющимъ Себя къ мирному, кроткому, но въ тоже время и торжественному входу въ Иерусалимъ.

При этомъ нельзя опустить изъ вниманія и того обстоятельства весьма важнаго, что въ притчахъ, сказанныхъ Божественнымъ Наставникомъ въ болѣе позднее время Его общественной дѣятельности, сравнительно съ притчами раннѣйшими слышится отголосокъ пережитыхъ Богочеловѣкомъ испытаній, что притчи болѣе поздняго происхожденія за время земной жизни Христа кажутся болѣе грозными сравнительно съ притчами ранними, что притчи Евангельскія болѣе поздняго возникновенія за періодъ общественной дѣятельности Христа отличаются характеромъ историко-пророческимъ, чего нельзя сказать о притчахъ болѣе раннихъ по происхожденію, на которыхъ лежитъ отпечатокъ спокойнаго характера изложенія.

Не смотря на подмѣченное нами различіе въ характеристическихъ чертахъ притчей, во всѣхъ ихъ замѣтна и общая черта ветхозавѣтной образности и сѣновности въ выраженіи ими истинъ вѣры и нравственности. Христосъ Спа-

ситель дѣйствительно и пользовался приточною формою рѣчи, чтобы подь руководствомъ, ся мало по малу вводить сознание вѣрующихъ изъ-подь ветхозавѣтной образности въ новозавѣтную область духовнаго разумѣнія и усвоенія истинъ вѣросознания и нравственности. Лучъ вѣры, необходимый для освѣщенія ветхозавѣтныхъ образовъ и типовъ, необходимъ былъ также и для пониманія смысла новозавѣтныхъ притчей Господа. У кого этотъ лучъ вѣры погасъ, тотъ не способенъ былъ къ воспріятію духовнаго значенія приточныхъ образовъ, тотъ и видя не видѣлъ и слыша не слышалъ, не могъ ничего духовнаго и спасительнаго извлечь изъ Евангельской притчи. Напротивъ тотъ, кто былъ способенъ воспринимать нравственные уроки и выводить спасительныя истины и изъ притчей, для того предъ временемъ спасительнаго боренія и страданій Христа наступила пора воспринять отъ Него, какъ Сына, и прямое откровеніе объ Отцѣ небесномъ ¹⁾).

Сказавши обо всемъ этомъ предъ Вами, милостивые члены ученаго Ареопага, позволяю себѣ питать теплую надежду на снисхожденіе Ваше своимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ къ моему труду и къ ученой защитѣ его предъ Вами.

¹⁾ Юанн. 16, 25.